

лет, парик, все регалии, покупает букет и конфеты и ездит нравиться Глафире Петровне, своей невесте, семнадцатилетней девушке, полной невинности и совершенного неведения зла». Особо подчеркиваются преимущества брачного возраста: «Нет, даже приятно жениться в подобных летах! По-моему, уж если все говорить, даже неблагопристойно делать это в юношестве, то есть до тридцати пяти лет. Воробьиная страсть! А тут, когда человеку под пятьдесят, – оседлость, приличие, тон, округленность физическая и нравственная – хорошо, право хорошо!»

В «Елке и свадьбе» (1848) все тот же Юлиан Мастакович примечает «нимфетку» – одиннадцатилетнюю дочь богатого откупщика. Спустя пять лет он берет за нее (ставшую, очевидно, уже Глафирой Петровной?) пятьсот тысяч приданого. Конечно, это не жалкие куманинские двадцать пять тысяч, но для Достоевского важен сам принцип. «Однако расчет был хорош!» – восклицает рассказчик.

Портрет Юлиана Мастаковича вполне соответствует его душевному строю: «Это был человек сытенький, румянький, плотненький, с брюшком, с жирными ляжками, словом, что называется, крепняк, кругленький, как орешек...» Но любопытно и имя. «Мастакович» – это, конечно, *мастак*, «дошлый делец» (В.И. Даль) «Вы человек *деловой*, Петр Андреевич, – пишет Карепину Достоевский, – Вы и с нами действуете, как человек *деловой*, не иначе, и так как Вы человек *деловой*...» и т.д. Но – Юлиан? Имя довольно редкое для наших палестин. Нелишне в этой связи заметить, что у Карепина от первого брака наличествует дочь четырех лет по имени Юлия.

Повторим еще раз: Достоевский никогда не виделся с Карепиным (очевидно, на этом основании тот даже не включен в энциклопедический словарь С.В. Белова «Ф.М. Достоевский и его окружение»). Все его впечатления от новоявленного родственника возникли исключительно на эпистолярной почве.

Летом 1844 г. подпоручик Достоевский решается на отчаянный шаг: подает в отставку. Это вызвано интенсивной работой над «Бедными людьми». Никто, однако, кроме старшего брата, не посвящен в истинную подоплеку событий.¹⁹

Меж тем начинающему отставнику срочно необходимы деньги. Он изъявляет готовность отказаться от своей доли родительского наследства в пользу других членов семьи – всего за тысячу рублей серебром. Карепину, естественно, не слишком нравится этот план. Он почитает подобные экстравагантности следствием раздутого самомнения, неосновательности, молодой блажи и т.д.

«Офицеру в военном мундире нельзя останавливаться приготовлениями мягких пуховиков и Лукулловой кухни, – назидательно пишет он брату своей молодой жены. – Почтовая кибитка, бурка и кусок битой говядины, приготовленной денщиком, всегда найдется за прогоны и царское жалованье. Зато сколько приятных ощущений при удачном исполнении своего долга; сколько отрады во внимании начальников, в любви и уважении товарищей, а далее награда, заслуженное трудом своим путем прямым, благородным. Вот, Брат! настоящая поэзия жизни и сердечное желание вам преданного Карепина».

Довольный собой, рассудочный, велеречиво резонирующий Петр Андреевич вполне сопоставим в глазах его корреспондента с Фамусовым, Фальстафом и Чичиковым, о чем ему и сообщается почти прямым текстом.

Но неважно, каков был на самом деле Петр Андреевич Карепин: образ уже сотворен. «Даже в отношении Достоевского к родственникам, – замечает один исследователь, – сквозит иногда типичная романтическая ненависть к непосвященным». Не являет ли себя в случае с Карепиным

19. Об истории отставки см. подробнее: Игорь Волгин. Родиться в России. С. 275-278; 351-359.